

ненависти фашистов в годы второй мировой войны и нынешним положением «иностранных рабочих». Логика капитализма, на счету которого массовые убийства людей, в сущности, не изменилась. Люди — снова жертвы, а самые ценные человеческие чувства: любовь, надежда и элементарные человеческие права на жизнь и счастье — лишь игрушки в руках эксплуататоров. Бекир Йылдыз, постоянно ищущий новые формы, написал этот рассказ в виде сценария.

Рассказ «Три товарища» интересен уже потому, что в нем угадывается умение писателя работать над романом. Здесь очень тонко и правдиво показана психология трех человек из разных слоев общества, собирающихся ехать на работу в ФРГ.

А рассказ «Механизированные рабы» — это повествование об одном дне одного рабочего. О рабочем дне человека, который превращен несправедливым порядком в робота, в раба. Бекир Йылдыз показывает детали, мельчайшие подробности и в то же время не забывает о главном...

И пусть это покажется парадоксальным, но я думаю, что вообще главная особенность таланта Бекира Йылдыза состоит именно в этом — в умении показать самые маленькие детали и в то же время не потеряться в них, наоборот, с их помощью показать главное.

АТАОЛ БЕХРАМОГЛУ

г. Стамбул

ЛИЦО ЯПОНИИ

Японская новелла. 1960 — 1970. Перевод с японского. Составитель К. Рехо. Предисловие В. Гривнина. Редактор В. Кузнецов. Москва, «Прогресс», 1972. 442 стр.

В пантеоне древней японской религии синто более восьми тысяч богов. Нелегко пришлось бы исследователю, взявшемуся рассказать хотя бы о самых почитаемых из них. В современной Японии тысячи писателей публикуют в газетах и журналах, издают в собраниях сочинений свои рассказы, повести и романы. Небольшая частица их творчества представлена в сборнике японской новеллы 60-х годов, вышедшем в издательстве «Прогресс».

Имена многих авторов сборника хорошо знакомы советскому читателю. Это Кобо Абэ, Сюсаку Эндо, Ясунари Кавабата, Томодзи Абэ, Кэндзабуро Оэ, Тацудзо Исикава, Такэси Кайко. Некоторые писатели впервые переводятся на русский язык, хотя у себя на родине они давно уже не дебютанты. Старые мастера соседствуют здесь с молодыми лауреатами литературных премий; творческий путь каждого из них освещается в биографической справке, приложенной к сборнику. Составителю удалось

подобрать такие произведения наиболее талантливых писателей, из которых вырисовываются ясно различимые контуры Японии наших дней.

Значительная часть новелл сборника посвящена военной тематике. Среди них прежде всего можно выделить «Награду солдату» — Т. Кайко, в которой раскрывается истинная сущность грязной войны во Вьетнаме. Возможно, личные впечатления автора от поездки во Вьетнам придают особую весомость и зримость лаконичным образам Кайко. Здесь и лангусты, необычайно вкусные оттого, что они жиреют в реках, забитых трупами; и американские советники, хладнокровно отправляющие на расстрел пленных мальчишек; и старый солдат, ненавидящий свое ремесло; и японские политиканы, наживающиеся на чужой войне. Повсюду окружают героя ложь, лицемерие и фальшь, но на этом агонизирующем мире уже лежит печать обреченности. Классическая японская литература знает конфликт верноподданнического долга и человеческого чувства, где предпочтение заведомо отдается долгу. Т. Кайко по-иному решает традиционный конфликт, бросая вызов слепой машине убийства. Человек, переживший вторую мировую войну, не может оставаться равнодушным свидетелем страданий и смерти.

Память о прошлом не умирает — ведь есть воспоминания, над которыми время не властно. Долго еще перед невидящими глазами старой массажистки будут стоять пылающие облака, навеки лишившие ее радости жизни. Облако смерти, поднявшееся над Хиросимой, — не о нем ли поется в древней песне бога Сусаноо (Ситиро Фукудзава, «Восьмицветные облака»? Никогда не вернет погибшего сына крестьянке Томэ далекое море, покрытое разводами нефти и обломками затонувших кораблей (Сэй Кубота, «Далекое море Лейте»). Через много лет после войны вторгается в благополучную, ничем не омраченную жизнь интеллигента давно забытый животный страх (Синъитиро Накамура, «Оживший страх»). Воскресают те годы, когда герой должен был сделать выбор: стать убийцей или умереть самому. Герой новеллы пытается найти место своим непротивленческим идеалам в системе ценностей гибнущей, обезумевшей от крови японской империи. Его волнует прежде всего вопрос о моральном праве на преступление, о вине каждого за развязанную бойню. Не потому ли оживает забытый страх, что вопрос для героя еще не решен?

Снова и снова возвращаются японские писатели к проблеме ответственности человека перед обществом.

Кэндзабуро Оэ, знакомый советскому читателю по роману «Футбол 1868 года», дает в новелле «Лесной отшельник ядерного века» как бы приложение к своему роману, сохраняя единство места и времени действия, имена некоторых персонажей. Развернутое повествование, построенное в форме воспоминаний, углубленный психологизм детальнейшего самоанализа отличают стиль Оэ. В новелле Оэ сталкиваются два миро-

воззрения. Отшельник Гий на жертвенном костре зовет к уходу от цивилизации, к освобождению от корысти, зависти, жестокости, от роковой власти городов. Зловещим предостережением звучит заклинание старого Гия:

Если вы хотите выжить в атомный век,
бегите из городов и деревень в леса,
сливайтесь с мощью леса!

Священнику, герою новеллы, такая свобода не нужна. Своим путем он избрал служение людям, с их достоинствами и пороками, заблуждениями и открытиями. Но мистическая идея спасения души не может избавить людей от реальной нищеты и бесправия. Что же такое настоящая свобода? Автор не дает ответа, предоставляя читателю самому делать выводы.

По-своему понимает свободу беспринципный делец Саи (Томодзи Абэ, «Белая берега»). Для него не существует никаких моральных ограничений. Ради крох пирога со стола победителей, ради удовлетворения болезненного тщеславия, ради получения лишней доли прибылей он не останавливается перед преступлением, перед подлостью. В образе Саи писатель запечатлел отталкивающие черты современного бизнесмена, одного из тех, кто вершит судьбы Японии в наши дни, не жалея средств на оплату убийств в рабочих кварталах. И если такие, как Саи, принадлежат к столпам общества, то каково же должно быть само общество?

Никогда не прилетит сказочный корабль к герою новеллы Морио Кита «Желтый корабль». Мелкий служащий, потерявший работу, одинок и беспомощен в мире чиновников, отнимающем у него мечту о счастье. Романтике нет места в царстве роботов, пожирающих друг друга. Так выглядит в японской литературе тема «маленького человека», изгоя индустриального общества.

В более традиционной манере и в то же время более убедительно раскрывает ту же тему писатель старшего поколения Тацуо Нагаи («За пеленой дождя»). Не находя сил

приспособиться к борьбе за существование, бедная семья решается на массовое самоубийство. Тень долгой тюрьмы, порождения буржуазного мира, нависла над их домом. Легкими точными штрихами автор набрасывает психологические портреты стариков, готовящихся к смерти.

Разумеется, самоубийство — не единственный выход для слабых духом. Тех, кто хочет выжить, но не способен защитить себя, буржуазное общество превращает в индифферентных обывателей, а их социальный протест выливается порой в уродливую форму преступления.

Репортер бульварного журнала из «Неожиданного происшествия» Д. Ёсиюки, прикрываясь благородными побуждениями, со спокойной совестью тратит добытые шантажом деньги «на еду, которой давно не приходилось пробовать и на дешевых проститутках». Своеобразно решается проблема «преступления и наказания» в новелле Тацудзо Исикава «Свое лицо». Как отмечено в предисловии к сборнику, бросается в глаза сюжетное сходство новеллы Исикава с романом Кобо Абэ «Чужое лицо». Давая мотивировку поведения своего героя, Исикава вскрывает социальные корни эпидемии, поразившей Японию, — бурного роста преступности и насилия.

Необычно решается проблема отчуждения в буржуазном обществе у Кобо Абэ и Мицуко Такахаси. Обращаясь к своему излюбленному приему, фантастическому гротеску, К. Абэ показывает всю тщетность попыток изолироваться от общества в искусственно созданном мире, уйти от современности («Детская»). Героиню «Сезона бабочек» Такахаси приводят к безумию невозможность настоящей любви, безотрадная жизнь литературного поденщика, неудовлетворенная жажда человеческого тепла. Сочетание реалистического повествования с элементами сюрреализма в описании невозможных превращений женщин в бабочек подчеркивает стилистическую близость новеллы М. Такахаси к «Превращению» Кафки.

Особенность некоторых социально-психологических новелл сборника — стремление выявить актуальные жизненные проблемы путем показа негативных сторон действительности. Дегуманизация общества потребления, обеднение духовной жизни, склонность к бездумной экзистенции предопределяют падение героев новелл Сёхэй Оока и Айко Сато.

С пессимизмом молодых новеллистов контрастируют произведения мастеров старой школы: Ясунари Кавабата, который воспринимает человеческую жизнь в органическом единстве с бытием природы, ее увяданием и обновлением, и Санзацу Мусьянокодзи. Поисками смысла жизни занят каллиграф Тайдзан из новеллы Мусьянокодзи. Он находит свое призвание в работе на благо человечества и верит в «людей с честными сердцами и одухотворенными светлыми лицами».

«Ты прекрасен, человек!» — перекликается с Мусянокодзи молодой автор новеллы «Бог китов». На японском материале Коитиро Уно попытался воспроизвести мотивы «Моби Дика» и «Старика и моря». Прекрасный стиль Уно и национальный колорит его новеллы извиняют некоторые прямые сюжетные заимствования. Жизнеутверждающая сила «Бога китов», его суровая романтика переносят лучшие традиции западной литературы в японскую прозу наших дней.

Многое можно было бы сказать о сборнике японской новеллы и его авторах, но само искусство всегда скажет о себе больше. Ведь эта книга отразила частицу сложного мира современной японской литературы. Принимаясь за чтение, вспомним, к чему призывали японские художники еще много веков назад: видеть многое в немногом, великое — в малом.

А. ДОЛИН

«ПОКА СТОЯТ ЛЕСА, ЕСТЬ СВОБОДНЫЕ ЛЮДИ»

Артур Лундквист. Жизнь и смерть вольного стрелка. Баллада в прозе. Перевод с шведского Л. Горлиной. Предисловие А. Кана. Редактор С. Белокриницкая. Москва, «Прогресс», 1972. 239 стр.

днажды в детстве, на ярмарке, Артур Лундквист увидел представление под названием «Жизнь и смерть вольного стрелка». Представление состояло из ярко разрисованных картинок и сопроводительного текста. Сцены, изображенные на картинках, произвели на мальчика сильное впечатление — такое сильное, что спустя несколько десятков лет этот мальчик, который стал одним из ведущих писателей Швеции, решил создать нечто подобное литературными средствами — «хронику, упрощенную и стилизованную, как гравюра на дереве, или народную балладу». (Так писал Лундквист о своем замысле в послесловии к этой книге, в настоящем издании, к сожалению, опущенном.)

Итак, «Жизнь и смерть вольного стрелка» задумана как стилизация на основе реальных исторических событий, происходивших в XVII веке. В те времена проливы, соединяющие Атлантику с Балтикой, а также некоторые провинции на крайнем юге Скандинавского полуострова принадлежали Дании. За эти-то провинции и проливы, владение которыми обеспечивало преобладание на Балтике, и шла многолетняя борьба Швеции и Дании.

О партизанском движении вольных стрелков Дании против шведских захватчиков, в котором участвовали по большей части ёинги, издавна населявшие одну из оспариваемых провинций — Сконе, о том, чем вызвано это движение, кто становился в ряды вольных стрелков, как и за что они

боролись — вот о чем, в самых общих чертах, рассказывает книга Лундквиста.

В центре повествования — судьба Ларса Йёргенссёна, типичная для сконского крестьянина того времени. В начале рассказа Ларс, при всей своей бедности, довольно счастливый человек. У него есть жена и ребенок, есть младший брат, есть дом и земля. Где-то датская власть сменяется шведской, вводятся новые порядки, но в усадьбе Ларса до поры до времени — покой. «Живет маленькая семья в своей глухой лесной усадьбе, живет, не ведая иной жизни, и мечтает лишь о том, чтобы не было войны, чтобы не подвергнуться опасностям или нападениям извне».

Но мирная жизнь нарушается: забирают в солдаты младшего брата, который предпочитает стать изгоем и уйти в леса, к вольным стрелкам, только бы не проливать кровь за интересы Швеции.

Беда никогда не приходит одна, и в самом глухом краю, в самой забытой богом и людьми усадьбе не спрячешься от истории. И вот уже нет у Ларса ни семьи, ни дома: жена и сын убиты, а сам он, невольный убийца шведского рейтара, тоже должен уйти в леса, к вольным стрелкам, как и его брат.

Судьба Ларса — как бы стержень, проходящий через всю книгу, которая представляет собой широкое полотно жизни северных провинций Дании времен сконской войны. На просторах этих провинций сталкиваются датские и шведские войска, отряды вольных стрелков, группы мародеров, толпы людей, потерявших человеческий облик от голода, холода, разрухи, от разгула жестокости; вооруженные крестьяне, не знающие, от кого защищать свои дома. Жанровые и народные сцены, битвы, казни, погони, разнообразнейшие персонажи — с некоторыми из них мы встречаемся на протяжении всей книги, некоторые появляются, чтобы через страницу навсегда исчезнуть в водовороте событий, — все это действительно создает «балладу, вставшую из глубин веков, суровую и неукротимую, мрачную и кровавую, дерзкую и фантастическую».

Но вот что интересно. Примерно в первой трети книги Артуру Лундквисту удается удержаться в тех рамках, в которые он сам себя заключил — в рамках стилизации. Но Лундквист — слишком живой писатель, слишком реалист, чтобы не сломать эти искусственные рамки, что он и делает.

Автор многих романов, Лундквист не мог не почувствовать, что следование принципу стилизации под историческую хронику порой приводит к статичности сюжета. И он вводит в повествование элементы романа, прежде всего любовные линии. Что же касается самого духа книги, то и здесь Лундквист долго не мог сохранять объективность хроники и несколько абстрактную эмоциональность баллады. Он знает, что «великодержавие, эпоха величия — пора нищеты, время смерти». Знает он также, какой ценой досталось Швеции ее величие, как давались Дании ее победы в этой войне. За победы, за поражения, за сделки в